

Е. Трубецкой замечает, что в целом либо в мире все осмысленно, либо все во-круг – всецелая бессмыслица. При этом смысл должен быть всеединным и иметь возможность превращать саму бессмыслицу существования в осмысленное бытие. По мнению русского мыслителя, только христианство дает положительное решение проблемы смысла жизни, а в соответствии с этим и проблемы суицида. Именно в христианстве Е. Трубецкой видит решение проблемы смысла жизни как единственно возможное: либо человек принимает существование Бога и, соответственно, обретает смысл в жизни, либо отчаивается в тщетных попытках обрести эту осмысленность. Мыслитель пишет: «Или нет победы смысла над бессмыслицей, или есть полная, всему миру явленная победа на кресте» [6, с. 236].

Венец творения – это совершенный человек, Богочеловек, поскольку именно Он наделен способностью выхода из порочного круга земного вращения и обретения смысла существования. По этому поводу Е. Трубецкой отмечает: «Раз сочетались в мире два начала – Бог стал человеком и понес его крестную муку, а человек стал сыном Божиим, – тем самым весь мир осенен животворящим крестом, оба жизненные пути его наполнились смыслом, – и путь горизонтальный, в пределах земного плана, и путь вертикальный – подъем в высший план».

Выводы. Русская религиозная философия конца XIX – начала XX века выделяется мощным подъемом философской мысли, ее духовным ренессансом. Ряд духовных, мировоззренческих проблем, которые оказались в центре внимания русских религиозных мыслителей, возникли и разрешались в соответствии с исторической эпохой, в которой прежние ориентиры утратили свою ценность для человека, а новые (веяние западных тенденций) подвергались критике, переосмыслению. В целом перед русской философией в лице ее представителей стоял вопрос о предназначении России, русского народа, а соответственно и о назначении, смысле жизни каждого человека. Пессимистические, не удовлетворяющие ответы на заданные вопросы, роящиеся в умах русской интеллигенции, рождали общую угнетающую атмосферу, в которой русскому человеку порой оказывалось сложно выжить в рутине будничной жизни. И Е. Трубецкой неслучайно подчеркнул взаимосвязь проблемы смысла жизни с феноменом суицида. Феномен суицида является актом воли человека, направленным к поиску смысла, протестом против осознанной бессмыслицы бытия. В ходе исследования было определено, что подобные устремления воли человека составляют движение в небытие, к смерти, в связи с чем происходит отрицание жизни самим же человеком. Поскольку смысл жизни состоит в утверждении самой жизни и духовных ценностей, образующих жизнеутверждающее основание, соответственно и волевые усилия человека стоит направлять на осмысление и обретение ценности жизни.

Перспективы. Данная статья послужит основой для дальнейшего исследования феномена суицида в контексте русской философской мысли.

Библиографические ссылки

1. **Бердяев Н. А.** Русская идея / Н. А. Бердяев. – М.: АСТ: МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 286 с.
2. **Зеньковский В. В.** История русской философии / В. В. Зеньковский. – М.: Академический проект, 2001. – 878 с.
3. **Лосский Н. О.** История русской философии / Н. О. Лосский. – М.: Академический проект, 2007. — 551 с.
4. **Муравьев В. Н.** Овладение временем / В. Н. Муравьев. – М., 1998. – С. 52 – 73.
5. **Соловьев В. С.** Кризис западной философии (против позитивистов) / В. Соловьев // Сочинения : В 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.
6. **Трубецкой Е.** Смысл жизни / Е. Трубецкой. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 656 с.

Надійшла до редколегії 24.01.2012 р.

УДК 17.02

Э. К. Скиба

ГЕНДЕР КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ

Розглянуті специфічна природа гендеру та основні розбіжності у тлумаченні змісту цього терміну.

Ключові слова: соціокультурний конструкт, фемінінність, маскулінність, перформативність, текучість, гендер.

Рассмотрены специфическая природа гендера и основные разногласия в трактовке содержания этого термина.

Ключевые слова: социокультурный конструкт, фемининность, маскулинность, перформативность, текучесть, гендер.

© Скиба Э. К., 2012

The Specific nature of gender, main differences while gender definition interpretation are analyzed.

Keywords: socio-cultured construct, feminine, masculine, performativity, fluidity, gender.

Проблема человека – и мужчины, и женщины, – оформившаяся в философских учениях второй половины XX в., – явление, как известно, многоплановое и чрезвычайно важное для целого ряда гуманитарных наук. Последовавший постмодернистский поворот философской мысли поднял проблемы, охватившие практически все сферы философского «дискурса о человеке». Этот постмодернистский философский дискурс, оформившийся прежде всего в работах Т. Адорно, М. Хоркхаймера, М. Фуко, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Деррида, вступил во взаимодействие с гендерными установками видения мира мужчиной и женщиной, их идентификацией, способами познания, проблемами власти и доминирования и т. д. Одним из эффективных инструментов достижения цели создания справедливого и гармоничного общества является включение гендерных исследований в систему современного философского знания. Рассмотрение вопроса об отношении личности и общества, власти и автономии личности, идентичности, свободы и подчинения с позиций гендерной теории существенным образом меняет прежнее знание о пространстве человеческого бытия и его организации. В качестве аксиомы воспринимается сегодня утверждение о том, что значительная роль в процессах развития активной, самостоятельной и творческой личности независимо от его/ее пола принадлежит как гендерной теории, так и феминизму. Сегодня и гендерные исследования, и феминистская критика представляют собой мощное научное направление, влияние которого увеличивается с каждым годом. Однако при рассмотрении предмета исследования гендерной теории необходимо разграничивать феминизм и гендерную теорию. Феминизм (франц. *feminisme*, от лат. *femina* – женщина), женское движение за уравнивание женщин в правах с мужчинами. Феминистские организации обычно ограничиваются вопросами эмансипации женщин. Но феминистское движение выдвинуло из своей среды философов, которые обосновали значимость опыта женщины, рассмотрели вопрос о маргинальных группах и, выйдя за рамки узкой направленности, впитали и развили, среди прочих, величайшие достижения философской мысли о «множественности», «политики различия» и др., тем самым создали благодатную почву для гендерной теории.

Именно феминистская теория заявила, что женщина является субъектом истории. Это «пробуждение сознания» позволило всем маргинальным группам, а не только женщинам, заявить о своем праве на голос. «Женское» все ярче проявляет себя как политическое, отказываясь быть маргинальным или периферийным в публичной жизни. Впоследствии гендерная теория, воспользовавшись достижениями постмодернистской философии и феминистского движения разработала теорию о гендере как о социокультурном конструкте, кото-

рая требует право голоса и право на презентацию как для мужчин, так и для женщин. Идеи гендерной теории о свободе волеизъявления, о роли института власти в подавлении свободы индивидуума, о праве личности на самоопределение в социальном контексте, вопросы отношений личности и общества, власти и автономии личности, идентичности, свободы и подчинения с позиций гендерной теории – это далеко не полный перечень вопросов, которые поднимает гендерная теория, которая, безусловно, имеет теоретическое начало в феминистском движении. По мнению С. Бовуар, женщины конституируются как некий недостаток, некая нехватка чего-то, относительно чего мужчины устанавливают, определяют свою идентичность. Для Л. Иригаре эта диалектика проявляется и применяется к «действующей экономике», которая исключает включение и презентацию опыта женщин в целом в историю общества, поскольку, по ее мнению, эта экономика использует фаллоцентрический язык. Однако, и Дж. Батлер, и Л. Иригаре заявляют, что «идентичность существования» женщины, тем не менее, существует и проявляет потребность репрезентации [2; 5]. Дж. Батлер убеждает, что, гендер – перформативен, а именно: никакой стабильной идентичности не существует, идентичность всегда проявляется в действиях, именно эти действия и выражают, определяют принадлежность к определенному гендеру, и эти действия конституируют – даже в большей мере, чем выражают – иллюзию устойчивости гендерной идентичности. Более того, если проявление «существования» гендера есть эффект действий индивидуума, и эти действия безусловно подвергаются культурному влиянию, тогда само это существование нестабильно, не может быть в таком случае универсального, вечно стабильного гендера, раз и навсегда закрепленного и определенного: а именно, конституированный посредством практики перформации (выражения себя в действиях), «женский» гендер, так же как и гендер «мужской», остаются контингентными и открытыми для интерпретации и «переписывания». Таким образом, Дж. Батлер объявляет право индивидуума на самоперформацию, на возможность выражения себя посредством выбора поведения, а значит, на возможность разрушения устоявшихся в данном социально-философском дискурсе гендерных стереотипов, т. е. социально-устоявшихся, реализующихся в социально обусловленных действиях конструкций. Она призывает к сотрясению устоявшихся категорий посредством выражения себя в предпочтительных самим индивидуумом действиях.

Социальные теоретики стремились определить специфическую природу гендера, соотносить биологический пол и сексуальность с данностью того, что культурно определенный гендер и биологический пол стали взаимозаменяемыми идентификациями, установили, что гендер и пол стали взаимозаменяемыми отождествлениями, которые означают размещение специфического «биологического» пола в пределах категории гендера. Вторая волна феминизма рассматривает уже гендер как социально сконструированный и определяемый во всех обществах. Этот подход остается сегодня ведущим. Градации, деления внутри гендера, такие, как например, те, которые производят труд, власть, семья, государство, даже допускают «текучесть» поведения и размещения на шкале гендерного определения. Конструкция символов и образов (таких как, например, язык, идеология, одежда и СМИ) объясняет, выражает и поддерживает или иногда оппонирует этим делениям внутри гендера. Взаимодействия делений между мужчиной и женщиной, женщиной и женщиной, мужчиной и мужчиной включают любые формы влияния и подчинения. Ученые, занимающиеся проблемами языка, изучили способ коммуникации, в котором прерывание разговора, смена и определение темы беседы выявляет и проявляет гендерное неравенство в потоке обычного разговора. Они установили, что язык – это способ, посредством которого люди создают и поддерживают свой гендерный образ и он помогает воспроизвести компоненты гендера. Гендер вовлекается в фундаментальные, вечно продолжающиеся, процессы создания и концептуализации социальных структур. Изучая гендер под углом зрения Фуко, мы видим, что гендер трансформируется в средство достижения социального разделения власти. Гендерное разнообразие есть просто конструкт общества, который ранее предписывал поведенческие различия, тем самым предписывал внутреннее содержание фемининного и маскулинного в обществе, устанавливал преимущество

маскулинного над фемининним посредством приписывания определенных специфических поведенческих характеристик. «Идея, что мужчины и женщины отличаются друг от друга как ничто более в нашем мире, имеет истоки не в природе, а в чем-то ином ...она далека от того, чтобы быть выражением природных, естественных различий. «Исключительность», четкая определенность гендерной идентичности – это подавление естественных сходств» [3]. Исследователи Д. Гловер и К. Каплан, следуя Фуко, рассматривают сам механизм закрепления определенного набора «фемининных» и «маскулинных» характеристик за конкретным гендером, изучают процесс внедрения этих определенных институтами власти и желаемых этими институтами проявлений того или иного гендера. Договоренность касательно гендерных проявлений играет большую роль в приписывании фемининных и маскулинных характеристик в процессе фундаментализации биологического пола. Социокультурные коды и договоренности, правила, посредством которых общество функционирует и которые являются одновременно и конституирующим элементом и в то же время предопределяющим размещение этих специфических свойств относительно пола. Эти свойства обеспечивают основание для создания доминирующей гендерной разницы. Руководствуясь этим, гендер может рассматриваться как принятие и взаимно переход социальных норм. Таким образом, индивидуумы социализованы посредством принятия и проявления ожидаемых и предписанных обществом гендерных качеств, которые реализуются в рамках таких общественных институтов, как семья, государство, СМИ. Такое понимание гендерравнопоследствия становится естественным, так сказать, «природным» для последующего определения самоидентичности, происходит так называемый обман – наложение гендерной социальной категории на биологический пол индивидуума.

Концепция, что люди определяются больше гендерной принадлежностью, чем полом, также совпадает с теорией Дж. Батлер о том, что гендер перформативен. Батлер убеждает, что гендер – не выражение того, что мы *есть*, а скорее, выражает то, как мы *действуем* [2]. Это приводит далее к выводу, что если определенный гендер продолжает повторять эти действия, то это уже факт вновь выстраивания и встраивания себя в пределы социального сознания. Современные социологи ссылаются на то, что мужские и женские гендерные роли обычно используют маскулинность и фемининность как категории единственного числа, предлагая разнообразие обеих в пределах культуры. Из этого следует, что гендер может быть определен только как социально сконструированный конструкт и каждый индивидуум уникален в своей гендерной характеристике, безотносительно принадлежности к биологическому полу, и все индивидуумы, начиная с детского возраста, социализируются конкретным способом относительно своего поведения и проявления «надлежащих» гендерных свойства. Если индивидуумы в обществе не вписываются в определенные обществом рамки, им предназначено лечиться как аномальным; поэтому персонально им выгодно «сотрудничать» с социумом в выполнении детерминированного этим социумом «правильного» заказа на гендер. Фактически, сам конструкт общества – это и продукт общества, и производитель гендерных норм. Существует некая изначальная предвзятость в применении термина «гендер» по отношению к кому-то; то есть, каждая личность предопределена определенными характеристиками гендера.

Но, как отмечают философы, мир не может быть эгалитарным пока гендер «предписывается» и индивидуумы не получают право выразить гендер, который они пожелают. При определении термина «гендер» исходят из различных дихотомий и центров. Например, социологический подход к «гендеру» (дихотомия социальных ролей: женский – мужской) сосредотачивается на разнице (экономической властной) позиций между мужчиной – главным администратором, (игнорируя факт его сексуальной ориентации) и женщиной – работницей (игнорируя факт ее сексуальной ориентации). Однако подход свободного самоопределения своей сексуальной ориентации (дихотомия: традиционный-нетрадиционный) фокусируется на разнице концепций «свободы сексуального самоопределения» и «традиционный – нетрадиционный» (игнорируя факт разного положения в экономическом, властно политическом аспекте, который существует и среди мужчин, и среди женщин). Относительно подходов в определении термина «гендер» существует напряжение между социологией феминистской и социологией сексуальной. В гендерной теории термин «гендер» использу-

ется, чтобы соотнести предложенный социально-культурный конструкт фемининности и маскулинности. В этом контексте гендер эксплицитно исключает ссылку на биологические отличия, чтобы сосредоточиться на культурных отличиях. Этот подход используется в различных областях и берет начало в теории психоаналитика Ж. Лакана, находит свое продолжение и развитие в трудах представительниц французской школы психоаналитиков Ю. Кристевой, Л. Иригаре, американских феминисток, таких как, например, Дж. Батлер. Последователи Батлер пришли к мнению, что гендер проявляется действиями в социальной практике, таким образом, гендер «перформативен» [2].

Так, Ч. Херст заявляет, что некоторые люди думают, что пол будет «автоматически определять свое поведение, социальную роль и сексуальную ориентацию» [4]. Социологи полагают, что люди имеют культурные истоки и привычки, которые используются при моделировании гендера. Например, М. Швалбе полагает, что человек должен обучаться как действовать в соответствии с обозначенным гендером, чтобы должным образом выполнить роль, «наполнить» эту роль совершенным содержанием, дабы проявление «маскулинности» и «фемининности» соответствовало социальным ожиданиям. М. Швалбе комментирует, что «человек» – результат действий многих людей, воспринимающих подобные идеи и действующих на их основе [6]. Люди реализуют эти идеи посредством всего набора средств – от одежды и прически до взаимоотношений и альтернатив занятости. Он полагает, что эти различия важны, потому что общество хочет идентифицировать и категоризировать людей при первой же встрече. Общество желает разместить людей в четких категориях для того чтобы знать, как и что оно должно чувствовать относительно их. Ч. Херст отмечает, что в обществе, где мы презентуем свой гендер так выразительно, могут часто быть суровые последствия за разрушение этих устоявшихся культурных норм. Многие из этих последствий служат основанием дискриминации, основанной на сексуальной ориентации. Но, предупреждает Херст, так же как эта дискриминация работает против людей, ломающих гендерные стереотипы, эта дискриминация может выступать как превентивная мера выхода за всякого рода стереотипы в принципе, за ломку любого социально-культурного устоявшегося явления [4].

По утверждению К. Борнштейн, гендер может иметь «двусмысленность» и «текучесть» [1]. В противовес этой теории существует противоположная дефиниция гендера предоставленная Всемирной Организацией Здоровья. Она определяет гендер как результат социально сконструированных идей о поведении, действиях и ролях, которые конкретный пол выполняет. Вопросы веры, ценностей, отношений принимаются и экспонируются ими в соотношении с принятыми, устоявшимися нормами общества, и личное мнение индивидуума не принимается в качестве первичных, основных при определении гендера и выборе, предписанных этому гендерных ролей [7].

Такое определение гендера принимает во внимание физиологические и биологические свойства, определенные природой, с последующим наложением социально сконструированного поведения, определенного устоявшимися нормами. Социальный ярлык классификации того или иного биологического пола обязателен к медицинскому свидетельству о рождении.

Социально-культурные характеристики, обычно предписываемые специфическому полу, завершают определение гендера, и биологические отличия, которые играют роль в классификации пола, в таком случае взаимозаменяемы с определением гендера в пределах социального контекста.

В этом контексте социально сконструированные правила противоречат определению о предназначении конкретного гендера. Предположение К. Борнштейн о «двусмысленности» гендера предполагает наличие свободы выбора, создает личную нишу в пределах определенной социально сконструированной нормы поведения, в то время как «текучесть гендера» – это выход за пределы устоявшихся ролей, социально-культурного определения и назначения гендера. Этот подход не приемлет четкого размежевания «фемининное» и «маскулинное» и верит в свободный выбор гендера без правил. Никакие определенные границы и никакие «ожидания» общества не должны связывать гендер всего перформативности.

В вопросе дискуссии о наполнении термина «гендер» следует принять во внимание факт введения в научный обиход самого термина. Понятие «гендерная роль» было

заимствовано из грамматики и введено в науку о поведении сексологом Дж. Мани, которому в 1955 при изучении интерсексуальности и транссексуальности потребовалось разграничить общеполовые свойства. Словоупотребление грамматической категории «гендер» подразумевало то, что видимые различия личностных и поведенческих характеристик мужчин и женщин не связаны напрямую с действием биологических факторов, а определяются спецификой социального взаимодействия.

Бібліографічні посилання

1. **Bornstein K.** Gender Outlaw-On Men, Women and the rest of us / K. Bornstein. – NY: Vintage, 1995. – 272 p.
2. **Butler J.** Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. – NY: Routledge, 1990. – 348 p.
3. **Glover D.** Genders / D. Glover, C. Kaplan. – NY: Routledge, 2000. – 227 p.
4. **Hurst C.** Social Inequality: Forms, Causes, and Consequences / C. Hurst. – NY: Allyn & Bacon, 2007. – 464 p.
5. **Irigaray L.** This Sex which is not One. Trans. C. Burke and G.C. Gill / L. Irigaray. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985. – 223 p.
6. **Schwalbe M.** The Sociologically Examined Life: Pieces of the Conversation Third Edition / M. Schwalbe. – NY: McGraw-Hill Humanities, 2005. – 272 p.
7. What do we mean by «sex» and «gender»? World Health Organization. Retrieved 2009-29.

Надійшла до редколегії 15.02.2012 р.

УДК 37.111.11

Л. Г. Тарабасова

Дніпропетровський обласний інститут післядипломної педагогічної освіти

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ ЖИТТЄДІЯЛЬНОСТІ ОСОБИСТОСТІ ДОШКІЛЬНИКА

Проаналізовано процес життєдіяльності дітей дошкільного віку як філософсько-освітню проблему. Розглянуто теоретико-методологічні підходи до вивчення життєдіяльності особистості на ранніх етапах розвитку.

Ключові слова: життєдіяльність, вікові періоди розвитку, провідна діяльність дитини.

Проанализирован процесс жизнедеятельности детей дошкольного возраста как философско-образовательная проблема. Рассмотрены теоретико-методологические подходы к изучению жизнедеятельности личности на ранних этапах развития.

Ключевые слова: жизнедеятельность, возрастные периоды развития, ведущая деятельность ребенка.

Process of ability to live of children of preschool age as a philosophical-education problem is analyzed. Theoretical and methodological approaches to studying ability to live of the person at early stages of development are studied.

Keywords: ability to live, the age periods of the development, leading activity of the child.

Постановка проблеми. Як будь-який перехідний період, кінець XX – початок XXI століття характеризується суперечливими тенденціями, нестабільністю, змінами світоглядних позицій, переорієнтацією цінностей та пріоритетів. І це так чи інакше впливає на життя сучасної людини, безпосередньо стосується проблем освіти.

Сьогодні в освітній сфері на перший план виходять не просто відособлені філософські та педагогічні теорії, пов'язані лише концептуально, а комплексні філософсь-